

2. Шкаревский, Д. Н. Немецкая иммиграция в США в конце XVIII–XIX вв. К вопросу о численности и причинах / Д. Н. Шкаревский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mmj.ru/new_history.html?&article=509&cHash=a4ce52b0dd. – Дата доступа : 15.10.2017.
3. *Humphries, Sc.* Germanisms in Modern English Usage: A Cultural, Historical and ESL Perspective / Sc. Humphries, N. Kaewwipat [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dshumphries.com/Germanisms_Thoughts_2008.pdf. – Дата доступа : 15.10.2017
4. Аракин, В. Д. Англо-русский словарь / В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. – 21-е изд., стер. – М. : Рус. Яз. – Медиа, 2006. – 559 с.
5. Большой немецко-русский словарь / К. Лейн [и др.]. – 14-е изд., испр. – М. : Рус.яз. – Медиа, 2007. – 1159 с.
6. Мюллер, В. К. Большой англо-русский словарь / В. К. Мюллер, А. Б. Шевнин, М. Ю. Бродский. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 1536 с.
7. The American Heritage Dictionary of the English Language / under the editorship of A. H. Soukhanov. – 3rd ed. – Boston : Houghton Mifflin, 1992. – 2149 p.
8. Webster's Third New International Dictionary, Unabridged / under the editorship of Merriam Webster. – Springfield, Massachusetts, USA : G. & C. Merriam Company, 2000. – 2783 p.

The paper examines lexico-semantic features of German loan words imported into English. Different periods of borrowing during the development of the English language are introduced. A detailed analysis of lexico-semantic groups of germanisms and examples referring to different spheres of life are given. It is shown that some borrowed German words are used in its original form because there are no true English equivalents.

К. И. Иванов, Л. Р. Супрун-Белевич
Минск, БГУ

РАДУГА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЛАВЯН

В статье исследуются обозначения радуги в диалектах и литературных славянских языках. Прослеживается связь наименований с некоторыми древними мифологическими представлениями славян. Выделяются когнитивные основы выбора мотивирующего признака лексем. Выявлена региональная и национальная специфика номинации природного феномена. Анализируются проявления семантической и словообразовательной деривации исследуемых лексем в современных славянских языках.

В языке каждого народа отражены его представления о сущности номинированного предмета или явления действительности. Сравнительное изучение славянских литературных и диалектных метеорологических названий позволяет выделить универсальные и специфические когнитивные элементы языковой презентации конкретного атмосферного феномена.

Радуга, хотя и никогда не оказывала какого-либо влияния на жизнь и деятельность человека, издавна занимала его творческое воображение. Во-первых, яркие краски, загадочное происхождение не могли не привлекать внимание человека, пытающегося дать объяснение всему, что окружает его. Во-вторых, радуга сопровождает другие, важные для хозяйственной деятельности, явления (теплый дождь, установление теплой погоды после ненастья). Семантика большинства славянских наименований радуги опирается на поэтические образы, возникшие у древних славян в связи с явлением радуги. Это относится и к другим, неславянским народам. Составители первых толковых словарей славянских языков нового времени старались показать в словарных статьях основные черты феномена радуги. Так, у Даля объяснение значения слова *радуга* (*равдуга, райдуга*) находится в статье «Радость», и это наводит на мысль, что он рассматривает их как однокоренные, хотя и делает оговорку: «не ручаюсь за сродство радуги с радостью, но как это было радостное явление Ною, то связь вероятна». В определении Даля можно выделить такие понятийные компоненты, как 1) место возникновения: ‘небесное явление’; ‘под облаками’; 2) внешние признаки: цветовой состав и форма – ‘семицветная дуга’; 3) условия и время появления: ‘от солнца позадь дождя’; 4) физическая природа: ‘картина луча света, прошедшаго через клинь стекляный, вид разложеннаго на цвета света’. В первом полном толковом словаре новоболгарского языка Найдена Герова внимание обращается на те же важные характеристики: *лъкът, что ся показва на въздуха от седем различни шарови, кога вали дъжд и огрее слънце* (Лук, который появляется в воздухе из семи разных цветов, когда идет дождь и покажется солнце). Как мы видим, дефиниции Даля стремятся дать и максимально простое научное объяснение. Толкования современных словарей славянских языков в целом повторяют решения первых лексикографов. Различия касаются выбора эталона для сравнения при описании формы: в словаре русского языка – разноцветная дугообразная полоса, в академическом словаре болгарского языка – *разноцветен полукръг* (разноцветная полуокружность), а также более детализованного объяснения причины появления – переломления солнечных лучей в дождевых каплях. В сербских и хорватских толкованиях значения уточняется цветовой состав: *лук спектралних бојова*. За пределами словарных дефиниций в словарях современных славянских языков остаются некоторые характеристики радуги, отмечающиеся в энциклопедических изданиях: радиус (около 42 градусов), ширина (2–3 градуса); иногда не содержит все цвета спектра или некоторые появляются в очень узких и бледных полосках; обычно красный цвет – с внешней стороны, а фиолетовый – с внутренней; ширина и яркость цветов зависят от величины дождевых капель.

Наиболее полную информацию о древних представлениях славян дают данные диалектов. Так, праславянская лексема **rojasъ* используется в восточнославянских и южнославянских языках в качестве обозначения радуги. Чаще всего лексема *пояс* сопровождается определениями *божий, господен,*

богородичин, бабин, святой Марии (словенское *svate Marije pasec*). Пояс является атрибутом лиц, обладающих божественной силой. Балтославянское название пояса употребляется как обозначение радуги и в балтийских языках. Учитывая наличие лексем со значением ‘пояс’ и в романских языках (румынский, французский), возможно, что славянские и балтийские обозначения радуги этой лексемой являются результатом независимого семантического развития общей балтославянской лексемы. Основой метафоры считается сходство форм и красок радуги и пояса как элемента одежды. По другой версии, возможно и индоевропейское происхождение славянской метафоры *радуга – пояс*. Доказательством этого может служить семантический переход в такой архаической зоне славянского мира, как Полесье. В Болгарии известно представление о радуге как о поясе Господа, который он полощет во время дождя или сушит после дождя. Среди наименований радуги, свойственных именно диалектной речи, следует отметить 1) связанные с библейскими представлениями: укр. *божий знак*, серб. и хорв. *божја нога*, словен. *bozji stol, boshja lestvica*; 2) указывающие на цветовую гамму: белорус. и укр. *краса, красуля*, словен. *rozerc* (яркая, как пламя пожара); 3) выражающие связь с мостом, коромыслом, рогом: рус. *покатый мост*, укр. *коромісло*, словен. *rozec; Petrof rozec*); 4) отражающие веру в то, что радуга является предвестником определенной погоды (чаще ясной, но иногда и дождливой): укр. *ясна*, белорус. *дажджанка*, словен. *vedrnica, vederna kolona*; 5) отражающие верование в то, что радуга набирает, высасывает, «пьет» воду из озера, реки, моря, колодца, подобно змею: словен. *piauka*, новгород. рус. *змея*, макед. *облак* (возможное свертывание фразеологизма *облак вода пије*). Отголоски подобных поверий находим во фразеологии чехов (*pije jako duha*), словенцев (*pijan kot mavra*), словаков (*pit ako duha, smadny* (жаждущий пить) *ako duha*), сербов. С мотивом питья воды связаны и белорус. диал. *смок, цмок*, укр. диал. *смик*. В связи с этой особенностью радуги она может в определенный момент стать опасной для человека и засосать его. Народная культура отражает человеческий страх перед неуправляемыми природными явлениями в виде поведенческих запретов: не купаться в воде у мельниц (у сербов), не указывать пальцем на радугу (в Закарпатье), указание матерей детям не выходить во двор (у белорусов). Проявлением языковой табуизации можно объяснить существование форм с измененным начальным согласным (хорв.-кайковские *huga, puga*). Прохождение под радугой и выпивание воды в том месте, где это делала радуга, может привести к изменению пола (у сербов, болгар, македонцев, западных украинцев). В некоторых случаях такое превращение является желанным – для беременной женщины, рождающей только девочек, или для тех, кто хочет изменить пол. У болгар пребывание в месте водопоя радуги и нахождение серебряной чаши, оставленной там ею, может привести к приобретению человеком способности предвидеть будущее с гарантией осуществления его сокровенных желаний. Отмечен и целый ряд сложных названий радуги, сохранившихся в основном в детском

фольклоре: рус. диал. *дуга-радуга*, болг. *дъга-дъгица*, *тъга-тъгица*, *зуница-ваница*, *зунца-ванца*, словен. *savra-mavra*. В славянских диалектах используются и иноязычные заимствования. Особо характерно это для болгарских диалектов: *дъмга*, *дамга* (из тур. *damga* ‘клеймо, знак’); *фута* (из греч. *фуста* ‘юбка, фартук’); *зуница*, *зунца*, *зунка* (из греч. *зоница* ‘1. пояс; 2. радуга’).

Наименования радуги, зафиксированные в литературных славянских языках, также в своей основе имеют древние метафоры. Во всех группах славянских языков отражено метафорическое обозначение радуги **donga*. Континуанты этого обозначения являются титульными для болгарского (*дъга*), чешского и словацкого (*duha*), сербского и хорватского литературных языков (*дуга*). Это наименование указывает на сходство природного явления с предметом и является его частичным описанием: дуга ‘часть окружности или другой кривой линии’. Праславянское **donga* входит и в состав восточнославянского образования *радуга* (в укр. – *райдуга*). Вопрос об источнике начального сочетания *ра-* остается открытым. Оно может восходить либо к *радъ*, либо к *рајь*. Определенную роль в обозначении с корнем *рад-* могло сыграть то яркое и радостное впечатление, которое радуга производила на человека своими красками. В русских заговорах, заклинаниях, обращенных к радуге, повторяется сочетание *рада-радуга*, из которого могло образоваться слово *радуга* (как *радушие* из *радодушие*). Взаимоотношения начального *ра-* с корнем *рай-* могут носить характер народной этимологии, подкрепленной формой *рай-дуга*, созданной по частотной для восточных славян модели (*жар-птица*, *царь-пушка*, *хлеб-соль*, *пути-дороги*) с предполагаемым влиянием частого использования божественных мотивов для обозначения метеорологических явлений.

Существует предположение родственности начального *ра-* санскритскому коренному звуку *-r-*, заключающему в себе понятие быстрого движения воды или воздуха (т.е. радуга – это водоносная, дождевая дуга). Неясно, однако, каким образом радуга связана с быстрым движением воды и воздуха. Возможно, восточнославянское *радуга* является заимствованием, которое подверглось «формальной ассимиляции». Некоторые этимологи связывают наименование радуги с группой иранских слов, обозначающих лук (вид оружия) и одновременно радугу. Следует отметить, что такая метафора по сходству формы реализуется в сербском, хорватском, македонском (*божилак*, *божилок*, *божурлок*, *боболоже* из *божи лак*) и болгарском языках, преимущественно в диалектах. Большое разнообразие наименований радуги наблюдается в белорусских диалектах. Лексема с праславянским корнем **vessel-* – восточнославянское образование, но только в белорусском *вясёлка* (*весаюлуха*) является основной литературной формой. Прослеживается явная семантическая близость с корнем **rad-*, а некоторые изменившие форму в диалектах обозначения радуги, показывающие сближение с *висеть* и *весна*, объясняются представлениями славян о повешенной волшебной рукой дуге, а также о том, что радуга предвещает теплую весеннюю погоду. В польском и верхнелу-

жицком языках в качестве обозначения радуги употребляется лексема, в других языках имеющая значения ‘дождевое облако; небо’, ‘буря’, ‘сильный дождь’ и т.п.: польск. *tecza*, в.-луж. *tucel*. В белорусских (*тэнча, тенча*) и украинских говорах (*тенч*) употребление этой лексемы следует считать результатом заимствования. Есть предположение об этимологической связи польского слова с литовскими *tankus* (густой) и *tankumynas* (заросли) с реализацией идеи о густоте, сбитой массе. Возможна связь и с корнем *тук-* (ср. рус. *тучный* (жирный) и болг. *тучен* (плодородный – о земле, отличающейся буйной, сочной травой – о лугах), *тученица* – сорняк с мясистыми, плотными листьями. Только в словенском языке (*mavrica*) и в некоторых сербских и хорватских диалектах (*мавра*) зафиксированы лексемы с индоевропейским корнем **tau-ro-* ‘тусклый, слабоосвещенный, темный’. Здесь прослеживается явная, но не совсем ясная с точки зрения семантики, связь со словами типа *мавар, мавер*, заимствованными из лат. *maurus*, греч. *маврос* ‘черный’. В словенском языке есть лексемы с этим же корнем, как *mavelj* со значением ‘съедобный гриб с тонкой ножкой и серо-коричневой шляпкой, моховик зеленый (его окраска включает желтый, зеленый, синий цвета)’, *mavra* ‘черная или пятнистая корова’; дятел (окраска дятла черно-белая, пестрая, с красным пятнышком). Можно предположить, что при наименовании радуги словами с корнем **tau-ro-* важную роль сыграли не название коровы и не черно-белая окраска, а общая пестрая цветовая гама. Семантическая модель реализуется и в словенских диалектах – *sovrica* (от *sovra* – корова с черными пятнами около глаз и на хребте). В представлениях древних славян облака отождествлялись с коровами, но если для обозначения облаков важно медленное движение стад коров, несколько размытые очертания животных, то для радуги существенной является, вероятно, окраска коров. Только в македонском литературном языке для обозначения радуги употребляется лексема *виножито*. Это связано с мифологическим представлением о радуге как о символе урожая, изобилия, плодородия. Каждый цвет символизирует определенную культуру или результат ее обработки. По ширине полос судят о том, каким будет урожай. У болгарских крестьян желтый цвет связан с пшеницей (житом), а малиновый – с виноградом и вином, зеленый – это трава, у сербских крестьян зеленый цвет относится к житу, белый – к ракии, красный – к вину, желтый – к шелковичным коконам.

Польский фразеологизм с формой ‘смотреть на кого-л. как на радугу’ реализует два значения: 1) не сводить глаз с кого-л., любоваться им, смотреть на него, как на икону; 2) боготворить кого-л., души не чаять в нем. В словацком лексема *duha* развивает переносное значение ‘символ надежд’ (*symbol nadeje*). В других славянских языках, например в русском, значение ‘приятный, сулящий радость, счастье’ закрепляется за адъективом *радужный* (видеть все в радужном свете). В словацком и в словенском языках созданы глагольные дериваты, соответственно *duhovat* ‘окрашивать в цветах радуги, в разных цветах’ и *mavriciti se* книж. ‘светиться, сверкать цветами радуги’.

Только болгарский язык использует греческое заимствование *ирис* для обозначения радужной оболочки глаза. В остальных славянских языках анатомический термин содержит элемент со значением радуги. Идея объединения большого количества разных элементов реализуется в употреблении словенского названия радуги в качестве количественного интенсификатора: *mavrica custev, barv, problemov* (море, гора чувств, цветов, проблем).

Анализ славянских литературных и некоторых диалектных названий радуги показывает, что основная часть базируется либо на сходстве погодного явления с различными предметами, либо имеет описательный характер. И хотя доминирующим признаком радуги является ее форма, условно все наименования можно разделить на три основные группы: 1) названия, данные на основе сходства с каким-либо предметом; 2) названия, отражающие цветовую природу явления; 3) названия, указывающие на связь радуги с другими явлениями погоды. В одних наименованиях достаточно ясно просматривается древняя метафора, в других она потеряла свой поэтический смысл, и название стало объяснимым только при привлечении экстралингвистических данных (*виножито, виноракия*). Самым древним названием радуги является, по видимому, *donga*, сохранившее во всех современных славянских языках значение 'радуга'.

Лингвистические и культурологические данные позволяют говорить о том, что для славян радуга – природное явление, вызывающее восхищение и удивление, иногда страх, символизирующее связь человека с Богом и дающее человеку возможность узнать об его помыслах, изменить что-то в своей жизни, предвидеть в какой-то степени будущее и смотреть с надеждой в него, поскольку пока есть радуга, не будет потопа и второго пришествия.

The article explores the designations of the rainbow in dialects and literary Slavic languages. The connection of names with some ancient mythological representations of Slavs is traced. The regional and national specificity of the nomination of the natural phenomenon is revealed.

Т. И. Кибинь
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье выделены и описаны четыре семантических класса эмотивной лексики: микрополе грусти, микрополе страдания, микрополе раздражения и микрополе радости. Главное внимание уделено соотношению частотности употребления эмотивов с отрицательной и положительной оценочной семантикой. Установлено, что наиболее употребительным классом эмотивов являются эмотивы с отрицательной оценочной семантикой.